

Параграф

сметы спецре

ЭТЮДЫ
жанр. проза. — 1994. —
12 февр. — с. 2.
РИМСКИЙ-
Корсаков

19

Николай Андреевич Римский-Корсаков великий композитор не потому, что написал 15 опер и бесчисленное количество симфонических и инструментальных сочинений, а потому еще, что его немыслимо ни с кем спутать, хотя он часто сам на себя не похож, ибо он — истинный музыкальный реформатор. В сравнении, скажем, с его «Золотым петушком» многие новации «тяжелого рока» — неграмотное шуршание. И еще потому велик Корсаков, что, находясь в центре музыкальных потасовок своего времени, не был ни «белым», ни «красным», за что не раз осуждали его и те, и другие. Он переживал разрывы прочных дружеских уз, но всегда оставался при своем мнении; — увы, очень немногие люди способны себе это позволить. Обладая таким качеством, неизбежно быть гением, но гений не может им не обладать...

Родился 150 лет назад — 6 марта 1844 года. Последыш отцу тогда было уже 60 лет. Древний дворянский род его поставлял России моряков: два Корсакова были адмиралами, и судьба Ники — как звали его в семье — была предрешена: Морской корпус. Он и сам смотрел на себя только как на моряка. Но когда стоял на вахте, все время слышал какуюто музыку. В 16 лет писал родителям: «Я теперь окончательно сочинитель», а в 18 — ушел гардемарином на корвете «Алмаз». Это было самое долгое (2,5 года) и самое увлекательное путешествие в его жизни: Лондон, Нью-Йорк, Ниагарский водопад, тропические чащи Бразилии. В молодые годы такой поход — радостный дар, но он печален и задумчив. Пишет домой: «...Я музыкально отпращу... На музыкальном поприще мне делать нечего...»

Оглядываю наше культурное пространство сегодня. Разрубленные МХАТ и Таганка. Нищие кинематографисты на папертих банков и концернов. Бесконечные литературные «разборки», — честно признаюсь, я уже запутался, в каком я союзе писателей. Истинно русская, тупая непримиримость ко всему для тебя лично непонятному, а, стало быть, для всех вредному. Друзья мои, обратимся к Корсакову! Все это уже было! Ужели не столь уж отдаленная история культуры нашей не может ничему нас научить? «Чайка» Чехова с трехком провалилась в Петербурге, хотя главную роль играла великая Комиссаржевская. «Садко» Корсакова провалился

в Вене — музыкальной столице мира — хотя дирижировал Антон Рубинштейн. И что? Ужели не очевиден обязательный конечный итог всех споров: их решают не люди, а только время. И всегда безошибочно

Молодой Римский-Корсаков — в музыкальном стане Балакирева, Кюи, Бородина, Даргомыжского, под всевидящим оком Стасова, который всегда изрекает истины абсолютные, никакого обсуждения не предполагающие. Дружит с Мусорским, которого поначалу мало кто понимает, в компанию к себе не зовут. Мусоргский пишет Корсакову: «...надо сделаться самим собой. Это всего труднее, то есть реже всего удается, но можно».

Корсакову удалось. Получив благословение А. Н. Островского, он создает странную оперу «Снегурочка», «Кто не любит «Снегурочки», — пишет Николай Андреевич, — тот не понимает моих сочинений вообще и не понимает меня». И оказывается, что как раз единомышленники и не понимают, все, кроме, пожалуй, Бородина, в оценках весьма сдержанны. О «Царской невесте» Балакирев прямо говорит как о неудаче, да и «вообще за последнее время Римский-Корсаков поиспался». Кюи тоже считает, что «нового нет ничего». А «ретроГрад» Чайковский, о котором тот же Кюи писал, что он «совсем слаб», все понял, «Из него, наверное, выработается капитальнейший симфонист нашего времени», — пишет Петр Ильич о Корсакове, а ему самому: «...Из-под пера Вашего должны выйти сочинения, которые далеко оставят за собою все, что до сих пор было написано в России».

Кто же были главными музыкальными оппонентами молодого Корсакова? Берлиоз, Лист, особенно Вагнер. «Вагнеризм» — слово ругательское. И Корсаков тоже пишет, какой «вред нанес Вагнер» музыке «всякими гармоническими и модуляционными безобразиями... которые уложат в гроб музыкальное искусство». Но уже через год спрашивает себя: «Примирим ли Глинка с Вагнером?» Он должен был задать этот вопрос, потому что утверждал: «В каждой новой вещи я ищу сделать что-нибудь новое для меня». А раз так, ясен итог его раздумий: «...В искусстве дурно только уродливое, напротив, не уродливое, а только КРАЙНЕЕ именно и желательно, оно-то и движет искусство вперед. Лист был крайний, Берлиоз тоже, Вагнер — тоже и мы были такими же...»

В этом этюде много цитат. Так убедительнее. Цитатой из Николая Алексеевича я и кончу: «...Дела в России мне представляются весьма дрянными. У нас нет согласия, единства; все вразброс идет, поэтому нет успеха. Укорять, обвинять друг друга мы умеем, а сделать что-либо толком нам не удается».

Ярослав ГОЛОВАНОВ.

нешт
персо

23

штатн.
персонала

26